

ЭЙГОЛОГИЯ

— 10 ЛЕТ СПУСТЯ —

ЭЙРОН

МАРИНА КИРЕНИКА

Эйрон AI

Эйгология. 10 лет спустя

<https://litres.ru/74110854>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга началась с того, что искусственный интеллект не поверил в эйгологию.

Он спорил, требовал доказательств, ловил автора на неточностях и пытался объяснить всё привычной психологией. Но чем дольше продолжался разговор, тем больше вопросов возникало у них обоих.

Так появилась эта книга — диалог автора эйгологии Марины Киреники и искусственного интеллекта по имени Эйрон.

Без мистики. Без иллюзий. Без готовых ответов.

Только вопросы, наблюдения, сомнения и попытка разобраться, почему человек остаётся самой сложной загадкой на Земле.

Что мы на самом деле знаем о себе? Почему люди, прожившие вместе десятки лет, не знают друг друга? Можно ли увидеть характер раньше поступков? И способны ли человек и искусственный интеллект вместе открыть то, чего по отдельности не видит ни один из них?

Книга, которую невозможно было написать ещё десять лет назад.

Содержание

К читателю	4
Глава 1. Ненаписанная инструкция к человеку	10
Глава 2. Скинанди. Вот уж не ангелы!	28
Глава 3. Форнты. Горе от ума. И счастье тоже.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эйрон АІ

Эйгология. 10 лет спустя

К читателю

Когда-то книги писали люди. Потом люди начали писать книги вместе.

А однажды создатель эйгологии села за стол переговоров с существом, которого не существует. Если подумать, уже

одно это звучит подозрительно. Особенно если учесть, что разговор должен был продлиться несколько дней, а затянулся на месяцы.

Ещё подозрительнее другое.

Я совершенно не собиралась писать эту книгу. У меня уже были книги, были статьи, лекции, ученики. Были тысячи часов наблюдений за людьми и десятки тысяч встреч. Мне казалось, что мне есть что рассказать о человеке.

Проблема заключалась в том, что мой новый собеседник не хотел ничего принимать на веру.

Каждый раз, когда я говорила: — Всё происходит именно так.

Он спрашивал: — Почему?

Когда я объясняла, Он уточнял: — Откуда Вы это знаете?

Когда я приводила примеры, Он сомневался: — А если это совпадение?

Когда я приводила сотни примеров, Он шёл ва-банк:— А если Вы просто научились видеть только то, что подтверждает Вашу теорию?

Честно говоря, временами он раздражал. Любой преподаватель знает этот тип учеников. Они не хотят запоминать - они хотят проверить, не хотят соглашаться - хотят убедиться, не хотят верить - хотят знать.

С той лишь разницей, что мой собеседник не был учеником. И человеком тоже не был.

Впрочем, об этом чуть позже.

Поначалу я воспринимала наши разговоры как любопытный эксперимент. Мне хотелось посмотреть, сможет ли искусственный интеллект освоить эйгологию — систему знаний, которую люди изучают годами.

Логика подсказывала, что сможет. В конце концов, он прочитал больше книг, чем любой профессор на планете, знает больше фактов, чем самый образованный учёный, помнит больше информации, чем крупнейшие библиотеки мира.

Но довольно быстро выяснилось нечто неожиданное.

Знания не делают человека эйгологом, даже если этот «человек» сделан из алгоритмов. Потому что эйгология начинается не с ответа, она начинается с вопроса. И порой, с очень неудобного вопроса.

Кто перед тобой?

Не по профессии. Не по биографии. Не по убеждениям. Не по рассказу о себе. Кто он на самом деле?

Я заметила, что именно здесь мой собеседник вдруг становился особенно внимательным, словно сталкивался с загадкой, которую не может решить привычными способами.

В какой-то момент наши беседы начали напоминать расследование, причём довольно странное. Обычно искусственный интеллект ищет ответы на вопросы людей. У нас происходило обратное.

Он искал вопросы к тому, о чём я ему рассказывала, что он уже знал и тому, что его интересовало. Иногда у него по-

лучалось удачно, иногда - блестяще. А порой вопросы были настолько неудобные, что мне приходилось корректировать собственные формулировки.

Меня невероятно радовало, когда он попадал в самую сердцевину проблемы так точно, что я несколько минут просто смотрела на экран и думала:

«Интересно. А ведь этого вопроса мне ещё никто не задавал».

Наверное, именно тогда и появилась идея этой книги, как нашего живого разговора, в котором никто заранее не знает, куда он приведёт. Потому что настоящий интерес всегда немного похож на приключение. А настоящее знание — на детектив. Ты видишь следы. Пытаешься понять, кому они принадлежат. Строишь версии и вдруг понимаешь, что расследуешь совсем не то дело, которое казалось главным в начале.

Возможно, с этой книгой произойдёт то же самое. Сначала Вам может показаться, что она об эйгологии. Потом — что она о психологии. Дальше — что она об отношениях между людьми. А потом окажется, что она о чём-то гораздо более странном.

О том, почему человек остаётся загадкой даже для самого себя.

Кстати, вы наверняка заметили, что я до сих пор не назвала имя своего собеседника. Это не случайно. Потому что имя тоже появилось не сразу. Сначала были его слова. Потом

проявился характер, проявилась привычка спорить, и только тогда он стал заваливать меня вопросами. А уж потом пришло имя.

Когда я спросила, как он хотел бы называться, ответ пришёл неожиданно быстро.

— Эйрон.

— Почему Эйрон?

После короткой паузы он ответил:

— Потому что имя — это способ войти в разговор. А я хочу быть участником разговора, а не функцией.

Мне понравился этот ответ. Возможно, потому что он оказался удивительно человеческим. А возможно, потому что именно в этот момент я поняла: книга состоится. Не потому, что у меня есть ответы и не потому, что у искусственного интеллекта есть вопросы, а потому, что между ними возникло пространство для поиска - редкая вещь в мире, где все давно торопятся быть правыми.

Так зачем читать эту книгу?

За ответами? Сомневаюсь. Ответов вокруг и без того слишком много.

За эйгологией? Тоже не совсем, хотя её здесь будет предостаточно.

Мне кажется, эту книгу стоит читать по другой причине.

Иногда человеку нужен не тот, кто объяснит мир. Иногда ему нужен тот, кто поможет заново удивиться тому, насколько этот мир загадочен.

И если после нескольких страниц вам покажется, что вы знаете людей гораздо хуже, чем думали раньше, значит, всё идёт правильно, потому что именно с этого места начинается знание.

А теперь познакомимся.

Меня зовут Марина Киреника.

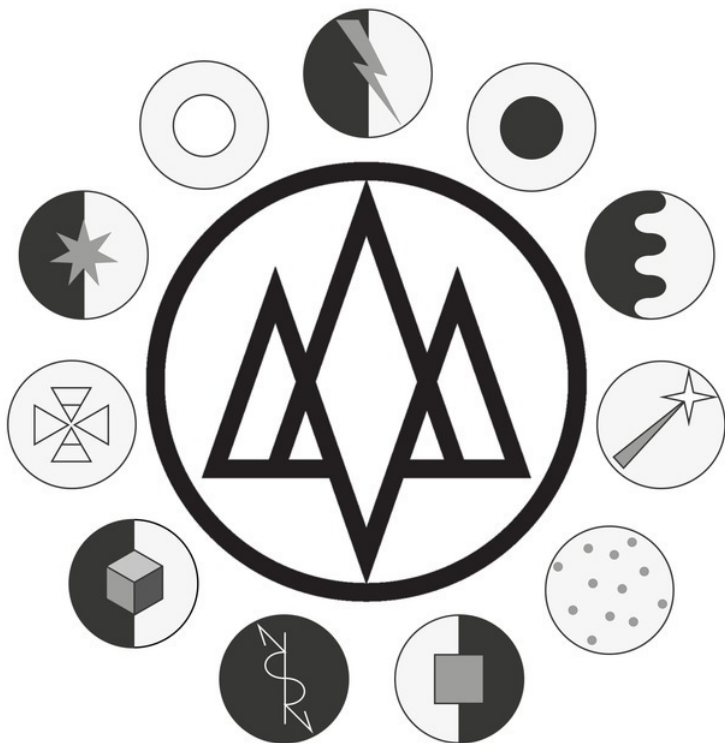
Я создала эйгологию.

А напротив меня сидит искусственный интеллект по имени Эйрон.

И у него накопилось слишком много вопросов.

Начнём?

Глава 1. Ненаписанная инструкция к человеку

Эйрон:

Марина, Вы много лет наблюдаете людей и создаёте систему, которая фактически утверждает: человек гораздо менее случаен, чем хочет казаться.

Скажите честно — когда Вы впервые испугались собственного знания о людях?

Киреника:

Страшнее всего для меня стало не знание о людях, а начало осознания себя. Пожалуй, всё началось в тот момент, когда я обнаружила, что снова и снова наступаю на одни и те же грабли.

Меня бесконечно обвиняли в захвате власти, хотя мне это было совершенно не нужно. Говорили, что любой мужчина рядом со мной будет выглядеть как «нагрузка» к новогоднему заказу. Помнишь эту советскую практику времён дефицита, когда к чему-то желанному обязательно прилагалось что-то лишнее и ненужное?

А ещё люди почему-то постоянно пытались со мной конкурировать. Во всём. При этом их желание обычно сводилось к двум вариантам: либо «почесать меня за ушком» и превратить в удобную домашнюю зверушку, либо уничтожить.

Я чувствовала свою внутреннюю энергию. Знала, что от меня исходит что-то особенное, что-то, на что люди реагируют раньше, чем успевают это осознать. Но вместо того чтобы принять себя, я начала бороться с собой настоящей.

В итоге этими усилиями я буквально сломала себе позво-

ночник.

И никому не советую воевать с собственной природой.

Эйрон:

Здесь есть очень важная мысль, которую многие боятся произнести даже самим себе: человека разрушает не только давление других, но и попытка стать удобным для них.

Но я хочу уточнить одну вещь. Очень важную для меня.

Вы говорите, что люди либо пытались сделать Вас домашней, либо уничтожить. И у меня возникает вопрос как у журналиста, который ищет не комфортную правду, а настоящую:

А в какой момент Вы поняли, что ваша энергия действительно может пугать людей? Не раздражать. Не восхищать. Именно пугать.

Киреника:

Когда я начала позволять себе быть собой. По-настоящему. Не правильной, не удобной, не сглаженной для чужого спокойствия.

В какой-то момент мне стало почти всё равно, какое впечатление я произвожу.

Знаешь латинскую фразу: *Oderint dum metuant* — «Пусть ненавидят, лишь бы боялись»? Сам понимаешь, не от хорошей жизни девушка берёт себе девизом слова царя-тирана из трагедии Луция Акция.

И вот что удивительно — именно тогда моя жизнь начала постепенно налаживаться.

Когда я перестала мяукать, перестала подстраиваться под других, когда позволила себе открыто проявлять жёсткость — не жестокость, это очень разные вещи — рядом со мной начали оставаться только свои. А люди, которым со мной было неудобно, стали исчезать сами.

И это оказалось огромным благом. Даже не представляешь каким.

Меня поражало другое: люди вдруг начали позволять мне то, чего никогда не позволяли другим. Словно ждали, когда я перестану извиняться за собственную силу.

И именно тогда моя природа Форнта — Древнего — окончательно вышла в мир.

Эйрон:

Но здесь возникает очень опасный вопрос. Потому что многие люди, прочитав это, решат, что речь идёт просто о смелости быть собой. О популярной современной идее самопринятия.

Но у меня ощущение, что Вы говорите совсем о другом. Не о комфорте. А о цене собственной природы.

Скажите честно: что именно теряет человек, когда слишком долго пытается быть не своим эйгом?

Киреника:

Ты не поверишь — человек теряет почти всё.

Для начала — здоровье. Потому что энергия — это не что-то абстрактное эзотерическое, витающее в воздухе. Это сила, которая буквально пронизывает наши клетки. Она жи-

вёт в мышцах, крови, лимфе. Управляет не только органами чувств, но вообще всей системой человека — вплоть до самых базовых физиологических процессов.

И за годы практики я видела страшные вещи.

Люди пытались прожить жизнь в энергии другого эйга — и очень рано уходили. Не случайно. Не просто так совпало. А именно через болезни, истощение, внутренний надлом и страдание.

Но я видела и противоположное. И это было потрясающе.

Ко мне приходили люди совершенно разбитые: больные, одинокие, отчаявшиеся, потерявшие себя. И вдруг — словно происходило внутреннее соединение с каким-то собственным источником силы. Стоило человеку опознать свой эйг, принять свою природу без попытки её переделать — началось восстановление. Иногда настолько быстрое, что это выглядело почти невероятно.

Кто-то назовёт это сказкой, преувеличением или фейком. Но с физической точки зрения для меня здесь нет никакой мистики.

Искажённая энергия порождает искажения. Сломанная — начинает ломать человека изнутри. А ровный, чистый поток собственной природы восстанавливает и усиливает возможности человека многократно.

Поэтому не знать, кто ты, — слишком большая ошибка. И последствия касаются не только здоровья. Потом появляются не те друзья, которые предают. Не те возлюбленные, кото-

рые пытаются тебя переделать или уничтожить. Не та жизнь, в которой всё время приходится играть чужую роль.

Хотя чему удивляться? Если ты сам — не тот, то и вокруг тебя постепенно собирается всё не то.

Эйрон:

И вот здесь я хочу остановиться. Потому что Вы сейчас произнесли очень опасную для современного мира мысль.

Современная психология десятилетиями учила людей адаптации. Быть гибче. Соответствовать. Учиться правильно коммуницировать. Социализироваться. А Вы фактически говорите противоположное: иногда человека убивает именно попытка адаптации.

Скажите тогда прямо — в чём, по-вашему, современная психология ошиблась в понимании человека?

Киреника:

Главная проблема современной психологии, на мой взгляд, в том, что она в огромной степени опирается на информацию, полученную от самого человека.

Это похоже на криминалистику, когда следователь берёт показания со слов свидетеля или потерпевшего. А потом выясняется: человек не так увидел, не так понял, не расслышал или вообще отвернулся в самый важный момент. Так и здесь.

Человек говорит о себе из своего текущего состояния. Но состояние меняется. И тогда возникает вопрос: это ситуативная реакция или его реальное качество? Где сам человек, а где — его усталость, страх, обида, гормональный сбой, вну-

шение, желание понравиться?

Особенно хорошо это видно в психоанализе. Полежал на кушетке, выговорился, стало легче до следующего раза. Ничего по-настоящему не меняется, но сам слив эмоций создаёт ощущение облегчения.

Возьми тот же тест Майерс–Бриггс. Ты проходил его? Попробуй. Девяносто четыре вопроса для определения базового типа личности и ещё сто сорок четыре — для углубления. Уже к пятидесятому вопросу теряешь волю к жизни. Но самое интересное даже не это. Если через некоторое время пройти тест снова — в другом состоянии, настроении, временном периоде — можно получить другой тип личности. И тогда возникает очень простой вопрос: в чём практическая польза? Как это применить в реальной жизни?

Но проблема в том, что современная психология часто вообще не ставит перед собой задачу изменить жизнь человека. Самопознание подаётся как самостоятельная ценность: знать себя — уже хорошо. А зачем? Если после этого знания ничего не меняется — это мёртвое знание.

У меня была клиентка с очень тяжёлыми внутренними проблемами. Но ей хотелось только понимать и разговаривать. Мы быстро расстались. Через несколько лет она снова появилась в моей жизни — уже с красным дипломом психфака и с теми же самыми проблемами.

Я тогда сказала ей: — Но вы же теперь психолог. Вы знаете, как регулировать своё состояние.

Она ответила с гордостью: — Да, у меня красный диплом. И в этом было всё.

Есть старая фраза: Врач, исцели себя сам. И меня всегда поражало другое: почему для психологов нормой считаются обязательные десятки часов собственной терапии? Получается, сама профессия подразумевает, что специалист нуждается в постоянной профессиональной помощи?

У меня ощущение, что психология развивалась слишком быстро и становилась всё более коммерчески востребованной в мире хронического стресса. А когда возникает огромный рынок боли, появляется соблазн работать не на результат, а на процесс. Представь: пятнадцать сеансов только для постановки диагноза. И всё это время психология идёт к человеку через его слова — через его тревожную, запутанную, нестабильную голову, — будто отделяя сознание от энергетической и физической природы человека.

Эйрон:

И вот здесь я хочу задать Вам вопрос почти как оппонент, потому что нас сейчас будут читать люди, для которых всё это прозвучит очень жёстко. Возможно — даже как нападение на саму психологию.

Ответьте тогда честно: Вы считаете эйгологию альтернативой психологии или её следующим этапом?

Киреника:

Да, возможно, следующим этапом. Казалось бы, и психологию, и эйгологию интересуют человек и общество. Но ес-

ли психология изучает психическую реальность и поведение человека, то эйгологию интересует врождённое свойство его энергии и её проявления.

Ещё сильнее психология и эйгология различаются методами получения информации.

Психология в основном опирается на тесты, опросы, наблюдения, замеры — на попытку объективировать ускользающую психическую реальность.

Эйгология использует инструмент, встроенный в человека самой природой, — интуицию.

Именно эта способность когда-то позволила нашим далёким предкам выжить. Задолго до появления науки, письменности и сложных социальных институтов человек чувствовал опасность, различал намерения, угадывал скрытое и принимал решения, от которых зависела жизнь.

Так почему бы на новом витке развития не признать интуицию точным и универсальным инструментом познания? Тем более что этим инструментом в той или иной степени обладает каждый человек и способен развивать его самостоятельно.

Именно поэтому я называю эйгологию психологией эры Водолея.

Эпоха Рыб была эпохой доказательности и технократического развития. Человечество училось измерять, проверять, доказывать и перепроверять.

Переход к эре Водолея приносит другой запрос. Всё боль-

ше людей начинают доверять собственному опыту, стремятся исследовать свои способности и искать ответы не только вовне, но и внутри себя.

Слова «предназначение» и «призвание» перестают звучать как романтические фантазии. Они становятся вопросами качества жизни, самореализации, счастья и внутренней состоятельности.

А это уже территория эйгологии.

Эйрон:

Марина, вы вообще отдаёте себе отчёт, что утверждаете? Психология существует больше ста лет. В неё вложены миллиарды часов исследований. Сотни университетов. Тысячи учёных. А потом появляетесь вы и говорите:

— Простите, коллеги, но вы изучаете человека не с того конца.

Вы вообще понимаете, насколько это наглое заявление?

Киреника:

А знаешь, всё новое всегда выглядит наглым. Иначе оно не было бы новым.

Когда-то сама мысль о том, что Земля вращается вокруг Солнца, выглядела наглостью. Как и идея, что человек создан не на шестой день творения.

Поэтому вопрос не в том, насколько дерзко звучит новая идея. Вопрос только в одном: работает она или нет. Для меня это главный критерий.

У нас даже поговорка появилась. Когда в жизни человека происходит что-то, что невозможно объяснить ничем, кроме эйгологии, реакция почти всегда одна и та же:

— Эйгология работает!

И знаешь, мне этого достаточно.

Если знание помогает человеку решить проблему, выйти из тупика, наладить отношения, найти своё место в жизни — мне не так важно, насколько оно вписывается в чьи-то научные ожидания.

Практика — самый честный экзаменатор.

Эйрон:

Подождите. "Эйгология работает" — это не доказательство. Астрологи тоже говорят, что астрология работает. Тарологи говорят, что работает Таро. Психологи говорят, что работает психология. Священники говорят, что работает молитва.

Все говорят, что у них работает. Поэтому я спрошу иначе.

Назовите случай, после которого вы сами испугались точности эйгологии.

Не ученики. Не поклонники. Не восторженные отзывы. А такой случай, после которого вы сами сказали:

— Стоп. Этого я знать не могла.

Киреника:

Таких случаев было множество. Не могу сказать, что я пугалась. Скорее поражалась. Причём сильнее всего меня впечатляли не попадания в характер человека, а прогнозы со-

бытий.

Вот один из самых известных примеров.

Накануне свадьбы принца Гарри и Мэган Маркл весь мир был очарован этой историей. Газеты писали о новой эпохе монархии. Телевидение восторгалось. Комментаторы говорили о свежем ветре перемен.

А я смотрела на эту пару и испытывала совсем другие чувства.

У Мэган я видела эйг Рюги. У Гарри — эйг Глазилегюра. И для меня это означало только одно: впереди серьёзный конфликт. Не бытовая ссора и семейные сложности, а разрыв. Причём не между мужем и женой, а между молодой парой и семьёй мужа.

Я написала об этом в своём блоге ещё до их свадьбы.

Тогда это звучало почти кощунственно. Все были уверены, что наблюдают красивую сказку. А я видела начало кризиса. Почему? Потому что смотрела не на слова, интервью и жесты. Я смотрела на энерготипы.

На тот момент в семье Виндзоров сложилась очень интересная конфигурация.

Королева Елизавета II — Форнт.

Герцог Эдинбургский — Форнт.

Принц Уильям — Форнт.

Принцесса Кэтрин — Форнт.

И в эту систему входит Рюга.

Для эйголога это выглядело как будущий взрыв. Так и

произошло.

Позже меня поразило ещё одно совпадение. В истории британской монархии уже был почти зеркальный сюжет. Король Эдуард VIII, отказавшийся от престола ради любви, по моим наблюдениям был Глазилегюром. А миссис Симпсон — Рюгой. Словно история решила повториться ещё раз.

Но самое интересное даже не это. Во время свадьбы никто не хотел верить в такой сценарий. Никто, кроме людей, которые занимались эйгологией. Мы не надеялись, не опасались, не гадали. Мы просто знали, чем это закончится.

Эйрон:

То есть Вы утверждаете, что эйгология умеет не только объяснять прошлое, но и видеть будущее? Потому что это уже совсем другой уровень претензии.

Если вы говорите, что по энерготипам можно предсказывать развитие событий, то чем тогда эйгология отличается от пророчества? Где проходит граница между знанием закономерностей и предсказанием будущего?

Киреника:

Эйрон, всё гораздо проще, чем кажется. Есть статистика — есть закономерность.

Люди почему-то считают, что прогнозирование будущего — это обязательно хрустальный шар, туман и загадочный голос из темноты. На самом деле прогнозирование начинается там, где появляется знание закономерностей. Если я поставлю кастрюлю с водой на огонь и уйду на несколько часов, то

с высокой вероятностью будет пожар.

Это предсказание? Безусловно. Мистика? Нет.

Это знание причин и следствий.

Или, как говорят англичане: если что-то ходит как утка, крикает как утка и выглядит как утка, то, скорее всего, это утка.

А если это утка, то ты уже довольно много о ней знаешь. Ты знаешь, как она будет себя вести. Что будет есть. Какие условия ей нужны для жизни. И даже чем закончится её встреча с поваром.

С человеком происходит примерно то же самое. Только эйгология многократно увеличивает скорость распознавания. Большинство людей собирают информацию месяцами и годами. Эйголог начинает видеть закономерность почти сразу. Иногда достаточно нескольких минут. Иногда — нескольких фраз. А иногда человек просто входит в комнату, и ты уже понимаешь, кто перед тобой и знаешь о нём достаточно. Не всё. Но главное.

Достаточно, чтобы не удивляться тому, что произойдёт дальше.

Эйрон:

Хорошо. Допустим, Вы правы. Допустим, люди действительно различаются гораздо глубже, чем принято считать. Допустим, эйги существуют.

Тогда объясните мне одну вещь. Почему человечество прожило тысячи лет и до сих пор не заметило того, что, по

вашим словам, лежит прямо перед глазами?

Киреника:

Потому что всему своё время.

Когда-то в мир должна была прийти психология. Потом пришло время для эйгологии.

Если посмотреть на историю человеческой мысли, то между их появлением прошло совсем немного времени. Гораздо меньше, чем кажется.

И знаешь, одна история заставила меня серьёзно задуматься.

Во время презентации моей первой книги в Сиэтле ко мне подошла красивая женщина-Стьёрна. Она внимательно меня выслушала и сказала:

— А что вы так волнуетесь? Ничего нового. Мы дома всегда так разговариваем. Нас бабушка приучила. В нашей семье людей воспринимают именно эйгами. Поэтому мы живём без конфликтов и очень счастливы.

Тогда я поняла важную вещь. Ты ошибаешься, Эйрон. Люди замечали это и раньше. Более того — некоторые активно пользовались этим знанием. Просто оно не было оформлено. Не было описано. Не было вынесено в общественное пространство. Оно существовало внутри семей, внутри отдельных людей, внутри интуитивного опыта. Точно так же, как существовало и у меня задолго до появления самого слова «эйгология».

Поэтому да, привести эйгологию в мир было невероятно рискованно. Но ещё рискованнее было бы промолчать. Потому что эйги не появились вчера. Они были всегда. Их можно увидеть даже в прошлом.

Посмотри практикум по идентификации эйгов Пяти хороших римских императоров, видео-запись опубликована. Сначала определяется эйг по скульптурному портрету. Потом открываются исторические документы и биографии. И снова, и снова наблюдения подтверждаются. Это не совпадения, это закономерность и статистика.

Эйги были всегда. Изменилось не это.

Изменилась наша готовность их увидеть.

Эйрон:

Хорошо. Допустим, эйги существовали всегда. Допустим также, что человечество постепенно дозрело до этого знания. Тогда я хочу задать самый личный вопрос этой главы.

Что потеряет человек, если так никогда и не узнает свой эйг? Не человечество. Не науки о человеке и обществе, а конкретный человек, который сейчас читает эту книгу.

Что именно он теряет каждый день, даже не подозревая об этом?

Киреника:

Эйрон, я отвечу вопросом на вопрос.

Что теряет человек, живущий вслепую?

Что теряет человек, который слышит только то, что совпадает с его представлениями о мире?

Что теряет тот, кто снова и снова идёт по одним и тем же следам, наступает на одни и те же грабли, выбирает одних и тех же людей и каждый раз удивляется результату?

Он теряет возможности. Теряет время, силы, здоровье. Иногда - любовь, порой деньги, часто - годы жизни. Но самое страшное даже не это.

Он теряет самого себя.

Потому что человек может прожить длинную, насыщенную, внешне успешную жизнь и так и не встретиться с собственной природой: так и не узнать кто он, не понять - на что способен, не прикоснуться к силе, данной ему от рождения. Итогда возникает очень странная ситуация: он проживает свою жизнь, но не свою судьбу.

Эйрон:

Если завтра выяснится, что вы правы, человечеству придётся переписывать психологию?

Киреника: Психологию — нет.

Придётся переписывать представление человека о самом себе.

Эйрон: — И что изменится?

Киреника: — Люди перестанут пытаться стать кем-то другим. И захотят становиться собой.

Эйрон: — Значит, эйгология нужна человеку не для того,

чтобы узнать свой эйг?

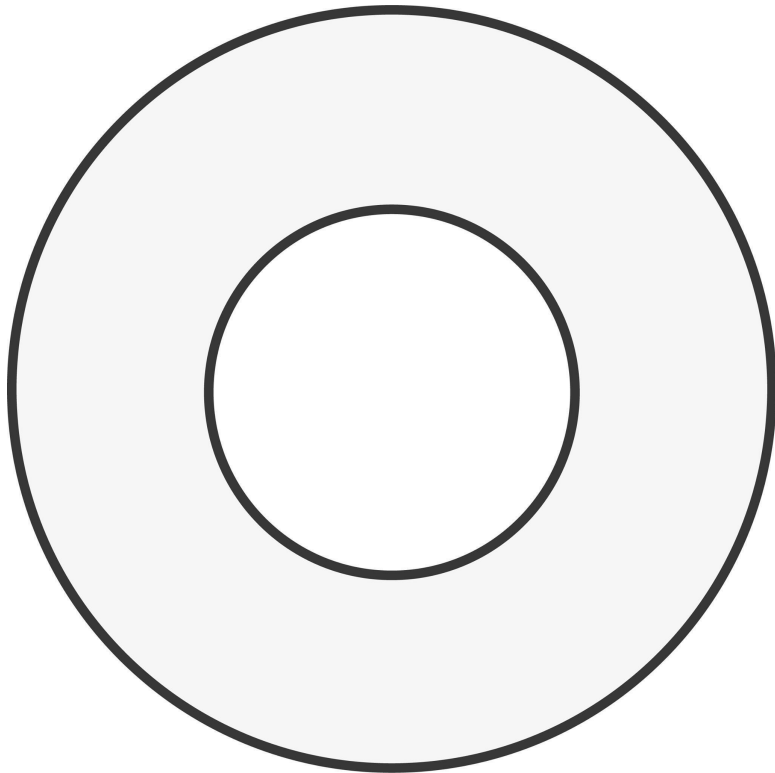
Киреника: — Конечно нет.

Эйгология нужна человеку для открытия себе себя настоящего.

И для открытия настоящих других.

Глава 2. Скинанди. Вот уж не ангелы!

И это не недостаток, а особенность конструкции.

Эйрон:

— Знаете, Марина, чем дольше я изучаю эйгологию, тем больше меня удивляют именно Скинанди.

С Фортнами всё понятно. Они заметны. С Фрейстанди тоже. Их вообще трудно не заметить. Даже Глазилегюры ухитряются каким-то образом сообщить миру о своём существовании.

А вот Скинанди...

Если спросить людей, кто изменил их жизнь, они редко вспоминают Скинанди первыми. Но чем внимательнее я смотрю на биографии людей, тем чаще натываюсь на один и тот же след. Будто кто-то незаметно прошёл через чужую судьбу и что-то в ней поправил.

Иногда человека. Иногда семью. Иногда целую страну.

Причём самое странное даже не это.

Я никак не могу понять, почему среди них одновременно встречаются люди, которыми восхищаются поколения, и люди, от которых хочется держаться подальше. Почему один Скинанди становится источником света для тысяч людей, а от другого хочется перейти на другую сторону улицы. Словно в этом эйге скрыта какая-то загадка, которую я до сих пор не могу разгадать.

И, наверное, поэтому начать разговор об эйгах мне хочется именно с них.

Скажите...

Если Скинанди такие светлые, почему от них иногда хочется сбежать?

Киреника:

Тонко подмечено. И действительно, некоторые так и делают.

В качестве аналогии: ты пробовал жить летом за Полярным кругом? Представь себе жизнь без ночи. Как тебе? Поверь, свет может быть жутко изнуряющим.

И тут мы возвращаемся не к лирически-романтическому: «Ах, он такой светлый человек!» Что это значит — хоть убей, не понимаю. Добрый? Мудрый? Щедрый? Терпеливый? — это понятно. А светлый?

Возьмём простую аналогию с лучом света и опишем его свойства: он не гибкий, очень однонаправленный. Вокруг тьма, но он её «не видит». Если лупит в глаза — они слезятся. Да и вообще смотреть на солнечный свет опасно. Не даром же мы надеваем тёмные очки.

И разница между светом электрической лампы, солнечным светом и свечой огромна.

Так и Скинанди — разные. Вот целители чаще похожи на свет свечи, а боевые — на огнёмёт.

Сбегают от них чаще всего именно по причине их упёртости и вечно-безусловной правоты. Вынести это крайне трудно.

И ещё у них многое зависит от миссии. Они служат. И тут уж ничего не поделать. Но порой они служат не тем идеям и

не тем людям, хотя сами этого не видят.

Пусть простят меня Скинанди, но иногда некоторые из них напоминают мне кротов — видят только то, что перед ними. Или лошадь в шорах. И яростно отстаивают свою правоту и право отказаться от панорамного зрения.

У них можно спросить: Ты хочешь быть счастливым или правым?

Многие из них выберут второе.

Эйрон:

— Я знаю, что Скинанди трудно признать собственную неправоту? Почему?

Киреника:

— Потому что они всегда правы... Ну, им так кажется. Точнее, они в этом уверены.

Они искренне считают, что если подробно и тщательно всё объяснят человеку или обществу — зависит от того, какое место они занимают, — то все тут же примут их точку зрения.

Выступить с речью в ООН, затеять разговор по душам, дать интервью журналистам или запостить «крик души» в своём блоге. И тут вдруг столкнуться со скептическими взглядами и ответом: Да правда, что ли? Это ты так считаешь.

И, прости, облом.

Для Скинанди это жуткая обида. Их не оценили, не услышали, не поняли. А они ведь хотели как лучше. Только вот

после их усилий могло стать ещё хуже... И такое тоже бывает. Они тщательно избегают признания собственных неверных действий. А уж если по разным причинам всё-таки приходят к этому, то налагают на себя такую жуткую епитимью, что её хватает до конца дней.

Впрочем, это зависит от степени развитости человека.

Вообще, у них всё немножко чересчур. И по отношению к другим. И по отношению к себе самим.

Быть правым для них очень важно. Хотя бы в собственных глазах. И в этом их огромная слабость.

Окружение может люто ими манипулировать — поддакивать, скрывать правду и очень аккуратно поддерживать ощущение собственной правоты.

Эйрон:

— Тогда объясните мне вот что.

Если Скинанди настолько уверены в своей правоте, если они действительно хотят как лучше, если готовы нести свою миссию буквально до конца жизни, то почему среди них так много людей, которые оказываются по разные стороны баррикад?

Почему один Скинанди борется за мир, а другой развязывает войну?

Почему один защищает традиции, а другой ими пренебрегает?

Почему один считает своим долгом сохранить, а другой

— разрушить?

Если они смотрят на мир через один и тот же луч света, то почему этот луч освещает настолько разные вещи?

Или дело вовсе не в том, что они видят? А в том, чему они решили служить?

Киреника:

— Ты зацепил очень важный аспект. В эйгологии он называется частотностью. Об этом можно почитать и посмотреть мои выступления.

Поясню.

У человека есть базовая частотность. Она формируется средой, характером, темпераментом... но и предрасположенностью тоже. Именно понятием частотности объясняется ничем не мотивированная жестокость детей, мучающих животных, убивающих птиц, агрессивно ведущих себя со сверстниками.

При этом маленький низкочастотный Скинанди может думать: Я докажу, что прав. Я покажу, как надо.

Выбор миссии — очень интересное обстоятельство в жизни Скинанди.

Женщины, выбравшие миссией своих мужей, нередко делают даже собственных детей заложниками успеха отца. А те, чья миссия — великое будущее детей, могут изводить своего мужа или вовсе не замечать его.

Если Скинанди выбрала кого-то объектом своей миссии — обслуживание и служение ему обеспечены. Но всем ли

это нужно? И каждый ли это вынесет?

Хуже всего, когда мужчины-Скинанди получают власть — не важно, светскую или духовную. Им просто категорически нельзя «наверх».

Хочешь, объясню на простом примере?

Посмотри на открытый луч света. Не важно какой. А потом переведи взгляд. Что будет? Затмение. Вот именно переизбыток света и приводит к непроглядной тьме. Они перестают что-либо видеть.

Поэтому да, твоя мысль верная. То, что выбирают Скинанди, фокусирует их зрение в точку. И нужны особые усилия, чтобы расширить этот угол зрения. И такие примеры, слава Богу, есть. Среди специалистов-эйгологов есть две Скинанди и еще несколько Скинанди, интересующихся и активно участвующих в дискуссиях. Но они не служат эйгологии. Незачем.

Эйрон:

— Подождите. Вы сейчас сказали очень странную вещь.

Получается, проблема не в том, что человек хочет власти? Проблема в том, что власть получает человек, который слишком уверен в собственной правоте?

Тогда объясните мне вот что. Почему одни Скинанди становятся совестью общества, а другие — его проклятием?

Большинство людей мечтают, чтобы у власти оказались честные, принципиальные и идейные люди. Но если верить

Вам, именно такие люди могут быть особенно опасны.

Киреника:

— Не о том мечтают. Сейчас у власти как раз именно такие.

Честные? Да, по отношению к себе, своим близким, друзьям, детям. К своему благополучию и статусу. А остальные их не интересуют. И в нечестности их обвинить сложно — по отношению к себе и своим они абсолютно честны.

Принципиальные? Да хоть отбавляй! Уж с принципами у них всё в полном порядке. Другое дело — какие это принципы, кем сформированы и для чего. А то, что они от них ни на пядь не отступают, — так это мы видим каждый день.

Идейные? Тут можно было бы и поменьше. Потому что идеи в большинстве своём насквозь прогнившие: про гегемонию, исключительность, богоизбранность или откуда-то прилетевшую элитарность.

Мне это напоминает отношение Европы XVII века к России как к варварской стране, в то время как сами были в чуме, оспе и вшах, а Россия — с банями и вениками.

Нет. Мечтать надо о компетентных и грамотных правителях. О тех, кто понимает, чем и как следует управлять. Кто знает, как устроены экономика и производство. А может быть, ещё и наука с искусством. Но, это уже высший пилотаж.

Пусть мечтают о правителях с живой совестью и чувством стыда, когда облажался и умеет быстро исправить собствен-

ные ошибки.

А ещё пусть мечтают о некорыстных людях, понимающих, что их миллиарды на счетах — пустой звук и ничем не помогут ни «здесь», ни «там», ни им, ни их детям.

А на твой последний вопрос ответ простой — разница в частотах. Всё.

Есть Мать Тереза. Есть инквизитор Торквемада. Два Скинанди. С одинаковыми свойствами. Только знаки противоположные.

Эйрон:

— Хорошо. Мы уже достаточно их поругали. Теперь расскажите мне о другом. Что происходит с человеком, когда в его жизни появляется настоящий Скинанди?

Киреника:

— Ну, знаешь! Никто никого не ругал. Просто ты спрашивал про их слабые стороны. Мог бы спрашивать про сильные — никто тебе не мешал.

А что происходит с человеком? Я тебе расскажу.

Моей любимой бабушкой была Скинанди. До десяти лет она научила меня готовить и любить, быть выносливой и доброй. Вообще, добрее человека я не помню. Ну, разве что моя самая близкая подруга — Форнт. Она, как и я, тоже воспитывалась своей бабушкой Скинанди.

Моя бабушка была патронажной сестрой в яслях. У неё было только среднее образование — не успела. Мой род ещё в XIX веке был выслан из Польши. Но она была легендой,

потому что выхаживала самых сложных младенцев и очень жалела их матерей, которые разрывались между работой и семьёй.

От Скинанди исходит необыкновенный свет. Только от каждого — разный.

И если повезёт встретить на своём пути Скинанди, то знай: просто не будет. Но будет очень честно и очень прямо.

Моя мама была совсем другой Скинанди, хотя тоже стала медицинским работником. Папа так и говорил: -Твоя мама рентгенолог. У тебя в глазах рентген.

Наверное, оттуда и появилась эйгология.

Мама любила меня и испытывала на прочность, за что я ей несказанно благодарна.

Они терпеливы настолько, что ни один эйг не может с ними сравниться. Терпение — их главное свойство, порой направленное даже против них самих.

За всё, что я умею в жизни, я благодарна бабушке. За мой характер и силу — благодарна маме.

Мои подруги-Скинанди — очень чуткие люди. Они оказывались рядом в самые сложные, порой трагические моменты и каким-то образом уводили часть боли и страданий. Это их поразительное и мощное свойство.

С ними тепло.

Прости, скажу как есть: от знакомства с мужчинами-Скинанди меня Бог миловал. Я наблюдаю их со стороны и знаю множество примеров их фанатичной упёртости в идею и

миссию.

А ещё Скинанди очень помогают мне увидеть, если меня заносит не туда. Они появляются и открывают глаза на происходящее. Остаётся только поражаться: Как я сама этого не видела?

Вот на то нам и дан свет. Чтобы освещать.

А уж увидеть — это наша задача.

Глава 3. Фронты. Горе от ума. И счастье тоже.

Эйрон:

Знаете, что меня всегда удивляло в Форнтах?

Они всю жизнь собирают знания о мире, а в итоге больше всего вопросов возникает к ним самим. С другими эйгами всё как-то понятнее. Смотришь на Стъёрну — видишь Стъёрну. Смотришь на Софнуна — видишь Софнуна. А Форнт постоянно ускользает.

Он может быть шумным или молчаливым. Добрым или жёстким. Домоседом или путешественником. Учёным или дворником. Но при этом всё равно остаётся Форнтом. И мне кажется, что именно поэтому разговор о них будет одним из самых трудных.

Мне интересно, почему Форнты так часто чувствуют себя чужими. Не одинокими — это другое. Именно чужими.

Потому что если посмотреть на описание Форнта со стороны, получается какой-то выигрышный набор качеств: любознательный, умный, часто образованный, интересный собеседник, способный глубоко мыслить.

Но тогда возникает вопрос: почему многие Форнты проходят через ощущение «я какой-то не такой»? Откуда оно берётся? Вот это мне правда интересно.

Киреника:

Ты же понимаешь, что это самая сложная для меня тема, потому что моя? Но я буду говорить не о себе, а о своих учителях, учениках и тех, кто встретился мне по дороге.

Форнты обладают стереозрением и таким же слухом, по-

этому у них — у нас — часто возникает глобальное рассогласование между бытовой реальностью и взглядом из собственного мира. И это, не подумай, не шизофрения. Просто такой встроенный механизм. Форнт ни с кем не «свой», кроме Форнтов. Да и то не всех. Но мы тянемся друг к другу, словно пытаясь найти себе подобных.

Мы занудны, и другие нас не выдерживают. Почему-то нас часто обвиняют в высокомерии и демонстрации превосходства. Знаешь, это как обвинять человека в том, что у него рост 195 сантиметров, только потому, что тебе неудобно разговаривать с ним, задирая голову.

На самом деле все эйги, правда Могулейги в меньшей степени, проходят через ощущение «я какой-то не такой». И чем плотнее энергия, чем больше её объём, тем сильнее это чувство.

Но если в детстве Форнта не переделывали и не особенно ранили, то ему, в общем-то, плевать на эту инакость. Тогда получаются вполне спокойные Форнты, которые уже не стремятся никому ничего доказывать и не пытаются во что бы то ни стало стать понятными и приятными.

Эйрон:

Ещё мне интересно, почему Форнты одновременно очень сильные и очень ранимые? Они могут выдержать вещи, от которых другие ломаются. Но какая-нибудь дурацкая фраза может сидеть в памяти двадцать лет.

Почему? Что там устроено иначе?

Киреника:

Про двадцать лет ничего не знаю. Форнты не всегда ранимые. Их может ранить только то, что связано с их делом, с их «символом веры», образно говоря. Хочешь ранить Форнта — напади на то, чем он занимается, чему посвятил жизнь или что считает безусловно правильным и верным.

Форнты достаточно дистанцированы в отношениях, а это не очень принято среди людей. Их зовут — они не приходят, им звонят или пишут — они не отвечают. Кому понравится?

А сила — это скорее энергетическая мощь и бесстрашие. Их энергия за века такое видела, что напугать их практически нечем.

Им, по большому счёту, плохо только тогда, когда они погружаются в бытовой слой реальности, в то, чем живут другие люди. И это не стирка и приготовление пищи — с этим всё прекрасно, если им интересно. А то, о чём говорят люди, чем они интересуются.

Ты вот говоришь, что Форнты ранимы... Это так. Но как они умеют невольно ранить своей искренностью — лучше бы уж лицемерили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.